

Г. ЛЕЛЕВИЧ

Несовременный «Современник»

(«Русский Современник». Литературно-художественный журнал, издаваемый при ближайшем участии М. Горького, Евг. Замятина, А. Н. Тихонова, К. Чуковского, Абр. Эфроса. Ленинград, 1924 г. Книга первая. Стр. 349. Тираж 5000 экз.)

Еще XI съезд партии отметил, что в условиях нэп'а буржуазия неизбежно будет пытаться использовать в своих интересах такие области, как высшая школа, художественная литература и т. д. До сих пор, однако, художественные идеологи старой и новой буржуазии не выступали в пределах Советского Союза сплоченным отрядом. Они пытались поодиночке просочиться в наши партийно-советские журналы, альманахи и издательства. Они пытались распространять свои мысли и настроения под маркою советских органов. Ныне перед нами — выступление «буржуазной литературы уже в открытом виде, без забрака, в качестве организованного отряда. № 1 журнала «Русский Современник» как раз представляет из себя первое выступление этого отряда.

Сотрудников «Русского Современника» можно разбить на две основных категории: на неприемлющих и «приемлющих» революцию. Это деление проходит красной нитью через все отделы журнала. Остановимся первоначально на первой категории.

Прежде всего бросаются в глаза по обыкновению талантливые, сжатые и энергичные стихи Анны Ахматовой. Гибнет и рушится грешный Содом. Праведник Лот с семьей, не оглядываясь на погрязший в разврате город, идет за посланником бога. Но его жена, слишком сросшаяся с Содомом, не может так легко расстаться с ним. Тревога говорит ей:

Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,

На площадь, где пела, на двор, где пряла,
 На окна пустые высокого дома,
 Где милому мужу детей родила.

Жена Лота, как известно, жестоко поплатилась за эту привязанность к прогнившему миру: она превратилась в соляной столб.

Кто женщину эту оплакивать будет,
 Не меньшей ли мнится она из утрат?
 Лишь сердце мое никогда не забудет
 Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

Можно ли желать более откровенного и недвусмысленного признания в органической связанности с погибшим старым миром? Можно ли желать еще более отчетливого доказательства глубочайшей нутряной *антиреволюционности* Ахматовой? Ахматова — несомненная литературная внутренняя эмигрантка. И подумать только, что высокопросвещенному ком-меценату Н. Осинскому два года назад упорно хотелось разглядеть у этой последовательной и последней поэтессы дворянства какие-то проблески революционности! Надеюсь, что после стихов, помещенных в «Русском Современнике», даже тов. Осинский бросит разговорчики о близости к нам ахматовской поэзии.

Не менее определенен и матерый упадочник Федор Сологуб. Автор «Навях чар» горько сетует на совершающиеся гигантские сдвиги:

Не слышу слов, но мне понятна
 Твоя пророческая речь.
 Свершившееся — невозвратно,
 Здесь ничего не убережь!

Однако для Сологуба не все потеряно. Есть еще надежда, что, несмотря на революцию, в конце концов, все останется по-старому:

Душа, как птица, мчится мимо
 Ночей и дней, вперед всегда,
 Но пребывает невредимо
 Времен нетленная чреда.
 Напрасно бледная Угроза
 Вооружилась косою, —
 Там расцветает та же роза
 Под тою ж свежеею росой.

Однако, видимо, эта философская надежда мало успокаивает. Эпоха крушения старого мира слишком властно напоминает о себе:

Безумствует жестокий рок,
 Ничья вина не искупима.
 Изнемогающий пророк!
 Судьба к тебе неумолима.
 На склоне утомленных дней
 Последнюю познал ты сладость, —
 Тебя сжигающих огней
 Мучительную, злую радость.
 Вся безнадежность так ясна!
 Так вся безвыходность знакома!
 И в шелестиных голосах
 Все то же бормотанье рока,
 И в этих бледных небесах
 Мерцанье горького упрека.

Я сделал такие большие выдержки из этих стихов потому, что стихи Сологуба являются чрезвычайно интересными, *политическими* документами (в художественном отношении они мало ценны и далеко уступают старым стихам хотя бы того же Сологуба). Дело не в том, что Сологуб в этих стихах сознательно прокликает Октябрьскую революцию, Советскую власть и т. д. Может быть, он и имел в виду такие политические цели, а, может быть, он менее всего думал касаться политики. Но как бы там ни было, в этих двух стихотворениях прекрасно передано, как воспринимают нашу эпоху осколки старого барства и связанных с ним слоев интеллигенции.

Не меньшей антиреволюционностью отличается и «Рассказ о самом главном» Евгения Замятина. Судьба червяка, судьба революции и судьба какой-то гибнущей планеты — все это поставлено в один мистический ряд, тонко подчеркивающий, что наша героическая борьба ни на йоту не значительнее судьбы червяка и что вообще все наши дела — ничто перед мистической властью космоса. К этому надо добавить явное обесмысливание конкретных проявлений классовой борьбы, огромную порцию интеллигентской рефлексии и фальшивое изображение коммуниста. Впрочем, чего иного можно ждать от Замятина?

А София Парнок пытается в конце журнала подвести теоретическое обоснование под контрреволюционные писания Ахматовой, Сологуба и Замятина:

«Ну, а что, если вдруг окажется, что такая одинокая, такая «несегодняшняя» Ахматова будет современницей тем, кто придут завтра и послезавтра?

А что, если взяткой сегодняшнему дню откупаешься от вечности?.. Разве так уж не нужна вам вечность, поэты сегодняшнего дня?».

Эти строки, полемизировать с которыми не стоит труда, доказывают, что появление в журнале контрреволюционных по существу произведений — отнюдь *не случайность*. Значительная часть сотрудников «Русского Современника» — дети старого мира, у которых — «все в прошлом», которые только и живут мечтами об этом старом мире. Недаром во втором своем стихотворении Ахматова с таким пафосом повествует о фантастической пирушке пяти *лежащих в земле* джентльменов и лэди. Воистину, стихи Сологуба и Ахматовой и рассказ Замятина — это задранные тосты на вечеринке *мертвецов*:

Хозяин, поднявши полный стакан,
 Был важен и недвижим:
 «Я пью за землю родных полян,
 В которой мы все лежим».

«Русский Современник» менее всего современен. К нему скорее применимо название, данное своим статьям 1917 года одним из ближайших сотрудников нового журнала Максимом Горьким, — «*Несвоевременные мысли*».

Но рядом с писателями старого мира, рядом с плакальщиками о дореволюционной России, мы находим в «Русском Современнике» и ряд так называемых попутчиков, т. е. писателей, если и не революционных, то, во всяком случае, «приемлющих» революцию. Тут фигурируют Пильняк, Горький и т. д. Что объединило их с Ахматовой и Сологубом? На это нетрудно ответить. *Великоросский национализм* — вот платформа, на которой сошлись и обменялись рукопожатиями Ахматова и Горький, Чуковский и Пильняк. Самое название журнала подчеркивает его националистический уклон. «*Русский Современник*» / Не говоря уже о термине «пролетарский» (этого никто и не требует), хотя бы поставили «Советский», наконец, «Российский». Нет, именно русский! Где уж тут говорить о Советском, Российском, когда Алексей Вагин печатает в журнале сильное стихотворение, очень напоминающее империалистические песни Редьярда Киплинга, — целый восторженный гимн завоеванию диких племен новгородскими ушкуйниками, этими пионерами торгового капитала!

Действительно, произведения, «приемлющие» революцию, носят в «Современнике» определенно националистический характер и далеки от подлинной революционности. Борис Пильняк в наброске «Два рассказа» по-прежнему подходит к Октябрьской революции, как к стихийному мужицкому бунту. То, что русская революция победила только благодаря руко-

водству пролетариата, то, что в России совершается «первая в мире машинная революция», все это Пильняк понял (если понял) лишь головой. Творчески он этого *не прочувствовал*, художественно *не воплотил*. Слепая стихия, земляная тяга, которой в бытине так и не одолел удалой Вольга Святославович, — вот что выпирает у Пильняка, вот что заслоняет всю революцию. Такое восприятие революции — безусловно *искаженное* восприятие.

Нечего и говорить, что тем же грехом больны и бесконечные перепевы Николая Клюева, безуспешно пытающегося в течение шести лет окулачить и революцию, и Ленина.

Очень удачно сформулировал основы такого подхода к революции пресловутый Корней Чуковский в своей статье об А. Н. Толстом: «Лишь через патриотизм пришел Алексей Толстой к революции, иначе не мог, — пробовал, но ничего не выходило: старые липы были вырублены таким озорным топором, что от них даже пней не осталось. Алексей Толстой, оглянувшись, увидел, что вокруг одно только Дикое поле. И всей своей очень русской кровью почувствовал, что это Дикое поле родное, что озорная рука, вырубавшая старые липы, тоже не чужая ему. Ощутил это именно кровью, безо всяких теорий — не умом, а хребтом, и все в русской революции стало ему понятно и близко. Если революция — Россия, значит, революция прекрасна. Всякий иной подход к революции был бы у Алексея Толстого неискренен. Он любит ее лишь постольку, поскольку видит в ней национальные черты».

Разумеется, было бы совершенно бесполезно искать у Чуковского — этого фельетонного идеалиста, социологического объяснения своеобразного восприятия революции у Толстого, но самый факт подмечен чрезвычайно верно.

К сожалению, и другой ближайший сотрудник журнала Максим Горький не менее далек от понимания подлинного смысла нашей эпохи. Давно прошли те времена, когда Горький был славным «буревестником» первой революции, когда он пел славу «безумству храбрых», когда он в драме «Враги», в повести «Мать» пытался стать на точку зрения рабочего класса. Ныне — это размагниченный интеллигент, сердито ворчащий на революцию и не понимающий ее. Статья Горького о Ленине содержит массу ценного фактического материала, но какое непонимание Ленина и ленинского дела обнаруживает в ней Горький! Я не имею здесь достаточно места, чтобы подробно останавливаться на этой любопытнейшей статье, но несколько примеров горьковского подхода к Ленину все-таки надо приве-

сти: «Человек изумительно сильной воли, он был, во всем остальном типичным русским интеллигентом. Он в высшей степени обладал качеством, свойственным лучшей русской интеллигенции — самоограничением, часто восходящим до самоистязания, самоуродования, до рахметовских гвоздей, отрицания искусства, до логики одного из героев Л. Андреева: “Люди живут плохо, — значит, я тоже должен плохо жить”».

Тов. Н. К. Крупская уже достаточно категорически опровергла обывательскую болтовню об аскетизме Ленина, и нет нужды особо возражать Горькому. А чего стоит такая снисходительно-высокомерная тирада по адресу Ильича: «Может быть, Ленин понимал драму бытия несколько упрощенно, считал ее слишком легко устранимой, — так же легко, как легко устранима вся внешняя грязь и неряшливость русской жизни».

Неудивительно после этого, что Ильич смотрел на Горького «с явным сожалением», что горьковские ходатайства о людях вызывали у Ленина «жалость» к Горькому, «почти презрение».

Общая физиономия журнала ясна. Он объединяет или писателей, не приемлющих революции и тоскующих по старому миру, или писателей, «приявших» национальную и мужицкую сторону революции. И совершенно непонятно, что здесь делает Бабель, как в эту реакционную компанию затесался действительно революционный поэт Н. Асеев. Сотрудничество последнего (ай да «левый фронт»!) в «Русском Современнике» на может быть оправдано ничем, ибо политически «Русский Современник» означает не что иное, как *блок художественных идеологов господствовавших до революции классов с художественными идеологами новой буржуазии*, мечтающей об обволакивании и буржуазном «перерождении» Советской власти. И совершенно безразлично, сознают ли Горький, Ахматова, Пильняк и др. свою объективную роль. Это появление на идеологическом фронте открытого литературного отряда буржуазии является фактом большого *политического значения*, — фактом, который требует немедленных и серьезных шагов в целях противопоставления фронту Замятиных, Чуковских, Сологубов, Пильняков, фронта пролетарской и революционной литературы.

В заключение я считаю необходимым кратко остановиться на некоторых моментах, затронутых в статье Б. Эйхенбаума «В ожидании литературы». Эйхенбаум — один из видных работников «Опояз'а» (общества изучения поэтического языка), один из видных представителей формального метода художе-

ственной критики. По авторитетному разъяснению Б. Арватова, Эйхенбаум, вместе с Жирмунским, составляет в Опояз'е «крайнюю правую, стоящую на точке зрения полного обособления поэзии от критики» *. Этот заведомо идеалистический и чуждый вам критик стремится в своей статье доказать, что социологическая критика зашла в тупик, и выход — только в формальном методе. Между прочим, Эйхенбаум в своей статье касается литературной дискуссии, происходящей сейчас между различными группами писателей-коммунистов. Вот что пишет он о книгах тов. Воронского:

«Воронский начал с очень резких и решительных статей, но постепенно тон его стал смягчаться. Из прокурора или судебного следователя Воронский превратился в своего рода право-заступника современной литературы — особенно, когда ему пришлось вступить в полемику с “вульгарными марксистами” из журнала “На Посту”. Он не хочет и не может рубить с плеча, как делают “напостовцы”, потому что видит, что факты противоречат схемам, но выйти из этих схем тоже не может. Тем самым, позиция его становится двойственной, а статьи его — не столько критическими, сколько просветительными и защитительными. Он прибегает к помощи Белинского и начинает старательно доказывать, что искусство — познание жизни, что оно дает объективные истины и т. д. Вопросы эти не так просты, чтобы можно было их разрешить ссылками на Белинского. И что же тогда остается от марксизма?

В борьбе с “напостовцами” Воронский, в конце концов, дошел почти до формализма, от которого был прежде очень далек».

Приведя далее цитату из книги тов. Веронского о недопустимости подмены оценки писателя оценкой идеологии, Эйхенбаум далее пишет:

«Да, нам к этому нечего прибавить, но ведь сам Воронский не так давно (1922 г.) упрекал Зощенко за его идеологическую неопределенность».

Статья Эйхенбаума — серьезнейшее предостережение некоторым нашим партийным критикам, теряющим отчетливость классовой постановки вопроса.

* Печать и революция. 1923. № 7. С. 59.